

Список використаної літератури

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – 423 с.
2. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М. : Ком Книга, 2006. – 144 с.
3. Гумбольдт В. фон Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. – М. : Прогресс, 1984. – 400 с.
4. Дейк Т. А. ван. Стратегии понимания связного текста / Т. А. ван Дейк, В. Кинч // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 23 : Когнитивные аспекты языка. – М. : Прогресс, 1988. – С. 153–207.
5. Радзієвська Т. В. Текст як засіб комунікації / Т. В. Радзієвська. – К. : Вид-во АН України, 1993. – 194 с.
6. Селиванова Е. А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации / Е. А. Селиванова. – К. : ЦУЛ «Фитосоциоцентр», 2002. – 336 с.
7. Серажим К. С. Дискурс як соціолінгвальне явище: методологія, архітектоніка, варіативність / К. С. Серажим. – К.: КНУ, 2002. – 392 с.
8. Сидоров Е. В. Системное определение текста и некоторые проблемы коммуникативной лингвистики // Вопросы системной организации речи / Е. В. Сидоров. – М. : Изд-во МГУ, 1987. – С. 38–47.
9. Тураева З. Я. Лингвистика текста / З. Я. Тураева. – М. : Просвещение, 1986. – 127 с.
10. Феллер М. Д. Текст як модель комунікативного акту // В. В. Різун, А. І. Мамалига, М. Д. Феллер. Нариси про текст. – К. : РВЦ «Київський у-т», 1988. – С. 222–334.

Александр Мацулевич

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ФАНТАСТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ДЛЯ ПОДРОСТКОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА В. П. КРАПИВИНА)

Для рубежа XX—XXI столетий характерен повышенный интерес книжных издательств к литературе для детей и подростков. В первую очередь, это обусловлено повышением значимости и ценности детства вообще в «новом времени» стран бывшего СССР, концентрации внимания родителей в направленном на будущее долгосрочном развитии своих детей, в котором по-прежнему важную роль играет чтение.

Ребёнок в этот переходный возрастной период интуитивно подходит к открытию того, что язык позволяет, во-первых, отражать окружающую действительность и, во-вторых, фиксировать определённый взгляд на мир. Подросток становится способным не только к пониманию символически изложенных текстов, но и к порождению собственных сложных символов.

Как отмечает А. А. Потебня, слово, сказанное другим человеком, становится импульсом к рождению собственной мысли [4]. По мнению Д. Зылевич, авторская позиция должна соответствовать морально-нравственным нормам и формировать жизненные ориентиры читателей. Читатели среднего школьного возраста предпочитают сами делать выводы и давать оценку, поэтому автор должен предоставить им такую возможность – косвенно, ненавязчиво направить своего читателя к адекватным оценкам. От того, как автор

охарактеризует своего героя – как *толстого* или *полного*, *худого* или *стройного*, *долговязого* или *высокого*, – будет зависеть и оценка его читателем [2].

Наряду с новыми сочинениями молодых отечественных авторов и зарубежными бестселлерами, издатели переосмысливают литературное наследие прошлого века и выпускают избранные произведения в новых книжных сериях. Одним из авторов, включаемых экспертами и обычными читателями в обязательный список такого «наследия», является Владислав Крапивин. За более чем 50-летнюю творческую деятельность В. Крапивин написал около ста прозаических произведений (повестей, романов, сборников рассказов), адресованных, прежде всего, детям и подросткам, а также их родителям, наставникам. С 2006 года существует Международная литературная премия имени В. П. Крапивина, девиз которой таков: «Книга должна быть воспитателем души». Эта премия вручается за произведения, содействующие формированию высокой нравственности и духовности.

В разножанровом творчестве В. Крапивина одним из наиболее популярных является цикл фантастических повестей «В глубине Великого Кристалла». В произведениях этого цикла писатель строит гипотезу о кристаллическом строении Вселенной и о возможности совмещения граней-пространств, то есть о существовании параллельных миров и о способах перехода между ними. Большинство главных героев в произведениях В. Крапивина – мальчики. Они и становятся теми, кому, в силу различных обстоятельств, становятся доступными способы перехода из одних миров в другие.

Произведения данного цикла стали объектом детального изучения в работе Ольги Виноградовой «Авторская модель мира и человека в нём в философско-аллегорической прозе Владислава Крапивина». Исследователь утверждает: «*Владислав Крапивин — один из создателей «педагогической» прозы, не «поучающей», но «воспитывающей», то есть оказывающей положительное влияние на становление характера и формирование психологических мотиваций подрастающего читателя*» [1]. Обратимся к рассмотрению конкретных примеров использования языка в целях воспитания положительных качеств у читателя-подростка.

В повести «Застава на Якорном Поле» (1989) ученик Особого Суперлица по прозвищу Ёжики занят поиском своей мамы, постепенно обнаруживая замысел группы политиков и учёных, отнимающих родителей и переносящих их в другой мир у детей с особыми способностями, стимулируя тем самым активное развитие этих способностей для пользы общества.

Мальчик Стасик, живущий вместе с мамой в послевоенной Тюмени 1940-х [у Крапивина – Турени. – В. М.], герой повести «Белый шарик Матроса Вильсона» (1991), вступает в телепатический контакт с космическим существом, которое оказывается настоящей звездой на пороге своего рождения. Для Стасика жизненно важным оказывается желание обрести друга, а с ним – необходимую поддержку в сопротивлении старшим обидчикам и в защите своей мамы от подлых взрослых.

Цели у героев повестей В. Крапивина различны, но их объединяет общее стремление к справедливости, безопасности для своих родных и друзей, непримиримое отношение к жестокости и лжи, готовность идти на трудные испытания в достижении своих целей.

Таким образом, фантастическим произведениям не меньше, чем реалистическим или историческим, свойственно обращение к общечеловеческим ценностям, что особенно важно

в контексте взросления, приобретения читателем-подростком важных личностных качеств, необходимых в зрелости.

Тема ответственности детей перед своими родителями – одна из сквозных в творчестве В. Крапивина. Она особенно актуальна для ребят-подростков, вступающих в юношескую пору, испытывающих желание ввязываться в авантюры, открывающих новую степень своей свободы, при этом часто забывая о волнениях своих близких. *«Кто измерит эту тревогу матерей? У них нет даже надежды, что она исчезнет, когда дети вырастут. Для матери, пока она жива, ребёнок остаётся ребёнком. Это я знал по своей маме»* – пишет автор в ещё одной повести о Кристалле – «Лощман» (1992) [7].

Когда в семье Стасика, героя «Белого шарика...», происходит несчастье – отчим кончает жизнь самоубийством – мальчик в своих мыслях сосредоточен на маме, отодвигая на задний план свои собственные тревоги. *«Стасик ночевал у соседки тёти Жени, но днём старался быть поближе к маме. Мама в первый день сильно плакала, а потом как-то нехорошо успокоилась, будто закаменела. Стасик за неё боялся. А большого горя он не испытывал, только страх и печальное удивление»* [5].

Следующим испытанием для мальчика становятся частые визиты бывших приятелей отчима, вызывающие тревогу у мамы.

«С полминуты мама и Стасик сидели и молчали. Потом Стасик прыгнул в валенки, выскочил за дверь. Было темно, дул сырой ветер. Стасик еле разглядел Коптелыча у калитки, догнал.

— Стойте!

Коптелыч затоптался, оглянулся сгорбленно. Стасик сказал прерывистым непримиримым голосом:

— Вы к нам больше не ходите. А то... я вам бабку расшибу. Сковородкой.

*Коптелыч шагнул к Стасику. Тот **напрягся, но не двинулся**»* [5].

В этом эпизоде можно отметить ряд словоупотреблений с общей семантикой «твёрдости».

Похожие эпизоды часто встречаются и в других повестях цикла «В глубине Великого Кристалла». Например, в момент осады дома мальчика Ёжики (опекунский совет хотел забрать его после известия о гибели мамы): *«Он встал посреди холла, скрестил руки — **упрямый, как камень**. Неудержимый излучатель злой **силы и решимости**... Он видел, как два сержанта на мотоциклах с разгона попытались пробить силовой барьер и проскочить в широкую калитку. Упругая защита вышвырнула их, как мячики, в разбежавшуюся толпу»* [6, 1989].

Похожую твёрдость обнаруживает в себе и Стасик, оказавшись в ситуации психологического давления со стороны старших ребят в пионерском лагере.

«Мальчики из третьего и второго отрядов спали в одной палате, и утром Чича сказал:

— Эй, Вильсон, давай-ка заправь мне коечку как следует. У нас такой закон: младшие старших всегда уважают.

*Стасик и свою-то ещё не знал, как заправлять. Зато знал другое (вернее, чувствовал): если кому поддашься, потом хуже будет, сядут на шею. Он ответил негромко, но **твёрдо**:*

*— **Не нанимался** [5].*

Появившийся у Стасика друг – будущая звезда, которую зовут *Белым шариком*, – по мальчишеской аналогии является старшим по возрасту. Это проявляется в беседах Стасика и

Белого шарика, а также в отношениях Белого шарика со своими «воспитателями» (в описании межзвёздных связей Крапивин использует в качестве аллегии модель человеческой, семейной коммуникации). Белый шарик ещё только готовится стать звездой – этому должна предстать вспышка, взрыв накопленной энергии. Период накопления этой энергии, необходимой для рождения, называется в повести *Возрастанием*. Это можно рассматривать как аналогию переходного возраста в человеческой жизни. С этой позиции, *Белый шарик* сталкивается с проблемой ответственности перед своим собственным будущим, которое, по сути, может и не наступить при отсутствии необходимого количества энергии. Нежелание взрослеть, нонконформизм, бунтарство, стремление быть рядом с единственным другом, тем, кто понимает и кому ты нужен, – всё это актуальные для Белого шарика-«подростка» проблемы, но они ещё не знакомы девятилетнему Стасику.

— *В момент Возрастания ты должен сделать усилие. Чтобы перестроить себя, обрести новые качества. Для этого необходима очень упругая настройка энергетических полей... А ты расходуешь силы на своего Стасика. Вернее, на дорогу к нему, на пробивание пространства. Милый мой, это же кончится настоящей бедой!*

— *Какой?*

— *Трудно сказать. Если не хватит сил на Возрастание, ты можешь превратиться в белого карлика, в звезду-лилипута, которая не в состоянии ни излучать, ни воспринимать импульсы [5].*

Белому шарик, как и другим героям повестей В. Крапивина, нередко приходится делать трудный выбор. Для кого-то это происходит мгновенно, в момент напряжённой опасности, для кого-то становится долгим, порой мучительным, размышлением.

Одним из источников надежды, веры в собственные силы, в творчестве В. Крапивина являются морские корабли и их атрибутика. Так, в момент острого одиночества Ёжики из «Заставы на Якорном Поле» оказывается в корабельном музее, и авторским отступлением здесь «звучит» синхронный текст другого персонажа: *В тяжкие времена безотчетного страха и неясности судьбы я нашел простое и доступное всякому лекарство от душевной смуты: в Доме Капитанов я неспешно разглядывал судовые модели. Созерцание крошечных каравелл и фрегатов, где сочеталась неторопливая мудрость, кропотливость мастеров с воспоминаниями о плаваниях вокруг неоткрытого мира, успокаивает человека, возвращая ему равновесие духа, ясное сознание и надежду... [6, 1989].*

Итак, в рамках данной статьи мы обозначили ключевые понятия и примеры их отражения в тексте нескольких произведений из фантастического цикла В. П. Крапивина «В глубине Великого Кристалла». Это ответственность подростка за своих родных, твёрдость в сложных ситуациях, ответственность перед собственным будущим, стремление обрести надежду, уверенность, которые связаны с желанием жить в полную силу.

Выделив общие темы в творчестве одного из популярных современных детских писателей, определив способы их реализации в языке произведения, мы наметили возможный путь для дальнейшего исследования. Это может быть разработка более глубокой и детальной классификации языковых средств воспитательного воздействия в художественных произведениях, а также сравнительная характеристика языковых средств, используемых разными авторами.

Список использованной литературы и источников

1. Виноградова О. Авторская модель мира и человека в нём в философско-аллегорической прозе Владислава Крапивина; [Электронный ресурс] / О. Виноградова // Русская фантастика. Официальная страница Владислава Крапивина. – Режим доступа : <http://www.rusf.ru/vk/recen/1997/vinogr01.htm>
2. Зылевич Д. П. Особенности языка и стиля художественных произведений для детей / Д. П. Зылевич // Веснік БДУ. – Сер. 4. – 2012. – № 1. – С. 65–69.
3. Попова Г. В. Проблемы изучения фантастики (фантастического) в истории методической мысли (XX–XXI в.в.) [Электронный ресурс] / Г. В. Попова // Научная библиотека КиберЛенинка. – Режим доступа : <http://cyberleninka.ru/article/n/problemy-izucheniya-fantastiki-fantasticheskogo-v-istorii-metodicheskoy-mysli-xx-hhi-vv#ixzz3w1ps3s2H>
4. Потебня А. А. Мысль и язык : труды / А. А. Потебня. – М. : Лабиринт, 1999. – 300 с.
5. Крапивин В. П. Белый шарик Матроса Вильсона / В. П. Крапивин // Уральский следопыт. – 1991. – №№ 6–8; [Электронный ресурс] // Русская фантастика. Официальная страница Владислава Крапивина. – Режим доступа : http://www.rusf.ru/vk/creativity_index.htm
6. Крапивин В. П. Застава на Якорном Поле / В. П. Крапивин // Пионер. – 1989. – №№ 10–12; 1990. – №№ 1–2; [Электронный ресурс] // Русская фантастика. Официальная страница Владислава Крапивина. – Режим доступа : http://www.rusf.ru/vk/creativity_index.htm
7. Крапивин В. П. Лоцман / В. П. Крапивин // Синий Треугольник. – М. : Эксмо, 2005. – С. 5–186.

Анастасія Мороз

РЕЛІГІЙНА ЛЕКСИКА У СКЛАДІ УКРАЇНСЬКИХ ТА ПОЛЬСЬКИХ ФРАЗЕОЛОГІЧНИХ ОДИНИЦЬ

Мова релігії – це мова, що використовується в рамках релігійної поведінки людей. Це висловлювання, в яких люди втілюють свою віру в існування надприродного. Вона виражається у виконанні релігійних обрядів, найголовнішою метою яких є входження в контакт з постаттю Бога. Релігійні обряди мають громадський характер – відбуваються за присутності осіб, що поділяють таку саму систему переконань. Релігійна лексика – поліфункціональний елемент як релігійного, так і художнього стилів української мови [1, 211].

Відомими фразеологами, які займалися питаннями структури та семантики фразеологічних одиниць (далі – ФО), є такі російські, українські та польські вчені, як В. Г. Гак, І. В. Змієва, Л. Г. Скрипник, О. М. Юрченко, В. Г. Баран, В. Д. Ужченко, М. Ф. Алефіренко, В. М. Білоноженко, В. О. Винник, О. А. Селіванова, А. Левіцька, А. Пайдзінська, С. Козяра та інші.

Актуальність дослідження полягає в тому, що релігійна фразеологія являє собою досить великий шар фразеологічного складу української та польської мов і досить часто вживається. Польські й українські фразеологізми з релігійною лексикою є актуальними продовж століть, адже саме ця лексика є невід’ємною і органічною частиною словникового фонду порівнюваних мов. Вона не лише номінує реалії, пов’язані з вірою, церквою, але водночас є виразником невичерпно багатого духовного світу українців та поляків.